

What makes grammaticalization?: A look from its fringes and its components / W. Bisang, N. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. 354 p.

Становление современной “теории грамматикализации” как особого направления исследований правомерно связывается с выходом монографии немецкого лингвиста Кристиана Лемана “Размышления о грамматикализации” в 1982 г. (ср. также переиздание [Lehmann 1995]). С тех пор на протяжении уже более 20 лет это направление переживает бурное развитие, и наряду с монографиями К. Лемана, Б. Хайне, П. Хоппера, Э. Траугот, Дж. Байби и др. проблематика, связанная с процессами грамматикализации, обсуждалась в целом ряде сборников статей – см., например, двухтомник “Подходы к грамматикализации” [Traugott, Heine (eds.) 1991], а также последовавшие за ним “Перспективы грамматикализации” [Pagliuca (ed.) 1994], “Пределы грамматикализации” [Giacalone Ramat, Hopper (eds.) 1998], “Новые размышления о грамматикализации” [Wischer, Diewald (eds.) 2002] и пр.

В ряду публикаций, посвященных текущему состоянию исследований в данной области, особое место занимает и недавний сборник “Что составляет грамматикализацию: взгляд со стороны ее периферии и ее компонентов”. Его основу составили работы, написанные по материалам докладов на семинаре “Грамматикализация vs. лексикализация”, проведенного в 2001 г. в г. Констанц (Германия). Как отмечают во вводной статье редакторы сборника Б. В и м е р и В. Б и з а н г, участников семинара интересовали не только (и не столько) “классические” случаи грамматикализации типа перехода полнозначного слова в грамматический показатель, сколько случаи спорные и “промежуточные”. Традиционные параметры грамматикализации, в том числе и те, которые обсуждаются в знаменитой работе К. Лемана, далеко не всегда представляются необходимыми (или же достаточными) для адекватной характеристики грамматических явлений. На пе-

рессечении грамматики и лексики, грамматики и фонологии, грамматики и прагматики создаются своего рода “периферийные зоны”, которые с трудом поддаются описанию и объяснению в традиционных терминах. В связи с этим, ощущается потребность в разработке “расширенной” теории грамматикализации, которая учитывала бы не только ядерные компоненты (core components) данного процесса, но и его периферию (fringes). Наиболее перспективным представляется подход, рассматривающий конструкцию как основную единицу, подвергающуюся грамматикализации; альтернативные подходы – например, чисто “категориальный” (category-based), т.е. ориентированный исключительно на семантические изменения, или чисто “морфологический” (morpheme-based), отводящий ведущую роль утрате автономности языковым знаком, – не позволяют адекватно охарактеризовать соотношение между грамматикализацией и другими типами языковых изменений.

Поскольку подавляющее большинство авторов сборника живут и работают в Германии, он дает достаточно полное впечатление о том, что можно назвать “немецкой школой” исследований по грамматикализации. Другая особенность этой книги (важная и для российского читателя) состоит в том, что значительная часть составляющих ее работ посвящена грамматическим явлениям славянских языков. Исследование процессов грамматикализации в славянских языках занимает пока достаточно скромное место в рамках “теории грамматикализации”¹, поэтому такое “массовое” привлечение славянского материала можно только приветствовать.

Помимо вводной статьи в сборник вошло десять работ, объединенных в четыре группы: “Общие проблемы”, «Создание грамматики “снизу” и “сверху”»: Между фонологией и прагматикой», “Грамматическое словообразование” и “Роль лексической семантики и конструкций”. Рассмотрим вначале содержание статей, посвященных более общим вопросам и не затрагивающих материал славянских языков.

В статье “Лексикализация и грамматикализация: противоположны или ортогональны?” Н. Химмельман справедливо указывает на то, что при характеристике данных процес-

сов ведущую роль нередко играет так называемая “метафора ящика” (box metaphor): лексика и грамматика представляются в виде двух ящиков, а процесс перехода в одну или другую сторону – в виде “перекладывания” вещей из одного ящика в другой. Это создает иллюзию того, что процессы лексикализации и грамматикализации строго противоположны по направлению (а кроме того, это способствует обманчивому представлению о том, что можно провести строгую границу между лексикой и грамматикой, разделив их по разным “ящикам”). Более адекватен другой подход, который можно назвать “процессным”: стоит четко указать, какие типы процессов имеют место в каждом из случаев и уже на основании этого решить, противоположны лексикализация и грамматикализация или нет. Принципиальное различие между двумя этими явлениями состоит в степени лексической обобщенности (lexical generality): лексикализация применяется к индивидуальным языковым единицам, создавая из сочетания элементов X и Y новую единицу XY (ср. нем. *Vergissmeinnicht* ‘незабудка’, исходно ‘забудь-меня-не’), т.е. сочетаемость в данном случае предельно сужается. В процесс же грамматикализации вовлечены многие единицы: элемент X начинает сочетаться с целым классом единиц Y, и происходит все большее расширение сочетаемости грамматикализуемого показателя. Такое расширение контекстов употребления показателя (или его “экспансия”) имеет место при грамматикализации на нескольких уровнях: происходит генерализация значения, увеличивается число лексем, с которыми сочетается грамматикализуемый показатель (например, артикль начинает сочетаться с собственными именами или названиями уникальных объектов), расширяется круг синтаксических контекстов, в которых допустим показатель (например, артикли исходно используются в ядерных аргументных позициях и лишь затем в периферийных). В целом, автор приходит к выводу о том, что грамматикализация и лексикализация являются далеко не “зеркальными” отображениями друг друга. Вместе с тем, у обоих явлений есть общие свойства – они представляют собой разные типы “конвенционализации” языковых выражений: их отправным пунктом являются частотные комбинации лексических единиц в дискурсе, а результатом – устойчивые способы выражения определенного содержания.

Соотношение грамматикализации и фонетических изменений является предметом обсуждения в работе Л. Гаэты «Исследование грамматикализации “снизу”». Если под грамматикализацией “сверху”, т.е. со стороны более высокого языкового уровня (синтаксичес-

¹ Отметим при этом, что в последние годы вышло сразу несколько тематических сборников, посвященных процессам грамматикализации в английском языке, в том числе на материале корпусных исследований; см. [Fischer et al. (eds.) 2000; Lindquist, Mair (eds.) 2004].

кого), понимается стандартное развитие конструкции в грамматический показатель (т.е. развитие "от синтаксиса к морфологии"), то грамматикализация "снизу" происходит в результате реинтерпретации фонетических чередований ("от фонетики к морфологии"). Так, умлаут в германских языках, исходно связанный с гармонией гласных, со временем утратил чисто фонетическую мотивацию и стал средством выражения грамматических противопоставлений (ср. англ. *foot* 'нога', ед. число ~ *feet* 'ноги', мн. число). В разговорном французском языке глагольное окончание 3-го лица ед. числа -*t* исчезло в позиции перед паузой, однако сохранилось, например, в вопросительной конструкции с инверсией местоимения (ср. *il part / i'paʁ/* 'он уходит' ~ *part-il? /paʁ'ti/* 'уходит ли он?'), в результате чего последовательность /*t* / стала восприниматься как показатель вопроса и распространялась на всю глагольную парадигму (ср. *j'aime-ti?* 'люблю ли я?', *tu aimes-ti?* 'любишь ли ты?', *il aime-ti?* 'любит ли он?'). Статья содержит массу примеров подобных типов языкового развития, прежде всего из романских и германских языков. Закономерный вывод, который делает автор, состоит в том, что система языка по сути своей "морфоцентрична": морфологические грамматические показатели могут возникать как "сверху", из слов, так и "снизу", из фонетического материала, т.е. имеет место своего рода "центробежное" развитие от синтаксиса к морфологии и от фонетики к морфологии. Признание направленности языковых изменений "центробежной" позволяет, по мнению автора, избежать некоторых проблем, связанных с гипотезой о принципиальной "однонаправленности" грамматикализации.

В статье С. Гюнтер и К. Мутц "Грамматикализация или прагматикализация? Развитие прагматических маркеров в немецком и итальянском языках" рассматривается достаточно актуальная в последние годы проблема дискурсивной природы грамматикализации. Как было показано в свое время в работах Э. Трауготт, грамматические показатели в ходе своей эволюции движутся в сторону все большей "субъективизации" значения: языковые единицы с более объективным "пропозициональным" значением могут постепенно приобрести "текстовое" или "экспрессивное" значение, т.е. начать использоваться в дискурсивной либо прагматической функции (см. [Traugott 1990; 1995; 2003; Traugott, König 1991]). К. Гюнтер и К. Мутц описывают два примера аналогичного развития: немецкие подчинительные союзы *obwohl* 'хотя, несмотря на' и *wobei* 'причем' стали использоваться как дискурсивные слова, указывающие на коррекцию

утверждения или несогласие со стороны говорящего, а итальянские "модифицирующие" суффиксы (главным образом диминутивные или аугментативные) *-ino-*, *-etto-*, *-uccio-*, *-one-* и пр. приобрели функцию маркеров определенного стиля общения (например, с детьми или животными) либо подчеркнутой смягченности высказывания (например, при просьбах или извинениях). Данный тип развития далеко не во всем совпадает с классической грамматикализацией (так, сфера действия дискурсивного слова не сужается, а расширяется от уровня предложения к уровню фрагмента дискурса), поэтому авторы склонны рассматривать подобные примеры "прагматикализации" как близкий к грамматикализации, однако "несколько отличный (под)тип языковых (диахронических) изменений" (с. 99).

Ареальные особенности грамматикализации в изолирующих языках рассматривает В. Бизанг в своей статье "Грамматикализация без коэволюции формы и значения: вид-время-модальность в Восточной и Юго-Восточной Азии". Согласно известной гипотезе Дж. Байби и ее коллег, для развития грамматических показателей характерна "параллельная динамическая коэволюция (coevolution) значения и формы": положение грамматизируемого элемента на шкале фонетического развития коррелирует с его положением на шкале семантических изменений [Bybee et al. 1994: 20]; это означает, говоря упрощенно, что чем более обобщенное и абстрактное грамматическое значение выражает показатель, тем более он морфологизуется и становится обязательным. По мнению В. Бизанга, языки Восточной и Юго-Восточной Азии являются в этом отношении исключением: во многих из них имеются видо-временные показатели, значения которых близки к значениям, выражаемым в европейских языках словоизменительными средствами; тем не менее, в изолирующих языках Азии такие показатели не являются ни обязательными, ни частотными, а нередко для них трудно сформулировать определенный "инвариант", поскольку в зависимости от контекста их значение может быть и временным, и аспектуальным, и модальным. Тем самым, ареальной особенностью рассматриваемых в статье языков является отсутствие "однозначного соответствия между категориями, ассоциируемыми с высокой степенью грамматикализации, и конкретным типом их выражения" (с. 134). Данная ситуация подробно иллюстрируется на примере вспомогательного глагола 'получить, приобрести' ('come to have'), характерного для нескольких языков ареала, а также китайского показателя *le* (точнее, двух

его разновидностей – приглагольного *-le* и конечного *le* в предложении). Так, сочетание с глаголом ‘получить’ в одном и том же предложении может иметь и модальное значение (‘может, способен; можно, разрешено’), и значение прошедшего времени (особенно при отрицании), и подчеркнутое асертивное значение (‘действительно, точно имело / будет иметь место’). Автор предполагает, что причиной “нестандартного” поведения грамматических показателей в языках Азии является, с одной стороны, слабая корреляция между лексикой и морфосинтаксисом (одна и та же единица может достаточно свободно выступать в разных синтаксических позициях, в том числе в функции модификатора другого слова), а, с другой, характерная “неопределенность” (indeterminateness) языковой структуры – и отсутствие обязательных синтаксических аргументов, и отсутствие обязательных грамматических показателей приводят к тому, что ведущую роль приобретает контекст и прагматическая интерпретация высказывания.

Статья Э. Кёнига и Л. Веццоли “Роль значения предиката в развитии рефлексивности” затрагивает актуальный для “теории грамматикализации” вопрос о том, в каких именно контекстах языковая единица начинает приобретать грамматический статус. В качестве ключевого для развития рефлексивных показателей авторы отмечают противопоставление глаголов, обозначающих “направленные на другого участника” (other-directed) либо “ненаправленные на другого участника” (non-other-directed) действия. Типичными “ненаправленными” лексемами являются глаголы ухода за телом (‘умывать’, ‘брить’, ‘одевать’ и пр.), а также ‘защищать’, ‘прятать’, ‘гордиться’ и т.п. Поскольку для таких глаголов совпадение одного из участников с другим не является максимально неожиданным, рефлексивность для них либо никак не маркируется (ср. англ. *he washed* ‘он умылся’), либо маркируется “легкими” языковыми средствами – глагольными аффиксами (ср. русск. *одевает-ся*) или простыми возвратными частицами (ср. швед. *sig*). “Направленность на другого” описывают глаголы физического воздействия, эмоций, а также такие, как ‘помогать’, ‘влиять’, ‘нанимать’ и пр. и симметричные предикаты (‘встречаться’, ‘целоваться’). Совпадение двух участников в одном лице для таких ситуаций менее ожидаемо, поэтому (вследствие принципа иконичности) рефлексивность маркируется у глаголов данного класса более “тяжелыми” средствами (например, сложными возвратными местоимениями, которые “усиливаются” интенсификатора-

ми типа русск. *сам* или англ. *self*)². На примере германских языков авторы демонстрируют, как противопоставление “направленных” и “ненаправленных” глаголов влияет на различные морфосинтаксические процессы, в том числе не связанные с рефлексивизацией (ср. нейтральную интерпретацию номинализаций в английском языке: *John's defense* ‘защита Джоном себя от кого-либо’ vs. *John's attack* ‘нападение Джона на кого-либо’). На материале древнеанглийского и среднеанглийского языка иллюстрируется процесс грамматикализации рефлексивных местоимений с интенсификатором *-self* от контекстов с “направленными” глаголами (где интенсификатор использовался для снятия неоднозначности в 3-м лице) к широкому кругу контекстов с глаголами других семантических классов.

Обратимся теперь к работам, в которых в рамках современной “теории грамматикализации” анализируются данные славянских языков.

Две статьи сборника посвящены русскому глагольному виду и тем проблемам, которые возникают при его анализе в рамках “теории грамматикализации”. Ф. Леман в статье “Грамматикализация посредством регулярного словообразования” рассматривает вопрос о том, является ли глагольный вид грамматической категорией в русском языке и, если да, то какие именно параметры грамматикализации на это указывают. По мнению автора, таким параметром можно считать максимальную продуктивность словообразовательных аффиксов, или “дистрибутивное расширение” (distributional extension). Благодаря процессу “расширения” исходное лексическое противопоставление между некоторыми непроизводными основами и их дериватами перешло в грамматическое противопоставление между “всеми” глагольными лексемами русского языка. Развитие русского (и шире – славянского) вида не укладывается в “узкое” понимание грамматикализации: хотя изменение значения следует классическому пути “от более конкретного (пространственного) к более абстрактному (аспектуальному)”, средства выражения остаются неизменными на протяжении многих веков и противопоставление сохраняет свой словообразовательный характер. Тем самым, славянский глагольный вид являет собой пример того, что процесс грамматикализации может состоять лишь в изменении дистрибуции и функции языковых единиц – происходит “переход от лексического к грамматичес-

² См. подробнее об интенсификаторах и их связи с рефлексивами [Лютикова 2002].

кому статусу без какого-либо изменения внешней формы" (с. 169).

В отличие от работы Ф. Лемана, в которой обсуждение ведется на достаточно абстрактном теоретическом уровне, статья К. Бётгера "Словообразовательная грамматикализация: русские видовые приставки *по-*, *за-* и *от-*" носит скорее дескриптивный характер. Большая ее часть посвящена эволюции славянского вида, основой которой послужили, как известно, словообразовательные противопоставления по итеративности (которая выражалась суффиксально) и предельности (для подчеркивания которой использовались приставки). Глагольные префиксы исходно имели чисто пространственное значение, позже приобрели аспектуальное и лишь в последнюю очередь (и то лишь отчасти) – темпоральное. В качестве иллюстрации данного положения автор рассматривает семантическое развитие глаголов с приставками *по-*, *за-* и *от-*, начиная от языка "Повести временных лет" и до современного состояния. В функции "временных ограничителей" эти приставки зафиксированы лишь в достаточно поздних памятниках (начиная с XV–XVI вв.): приставка *от-* приобретает фазовое значение завершенности (ср. совр. *отпеть* 'закончить петь'), приставка *за-* – начальное значение (ср. *забегать* 'начать бегать'), а приставка *по-* также начальное, а затем делимитативное значение (ср. *потечь* 'начать течь' или *поварить* 'варить некоторое время'). Заметим, однако, что приводимые на с. 201–202 английские переводы не всегда представляют адекватными: ср., например, неверные толкования современных лексем *закопать* 'to begin digging', *заколоть* 'to begin pricking', *отстроить* 'to stop building', *посеять* 'to start to sow'.

Статья Б. Ханзена "Модальные глаголы и границы грамматикализации" базируется на данных русского, польского и сербохорватского языков. Различные критерии грамматикализации – например, степень семантической обобщенности, формальная редукция, обязательность, вхождение в парадигматический ряд, сужение сферы действия и пр. – позволяют расположить модальные глаголы разных языков на шкале от полнозначных лексем до грамматических показателей. В целом, однако, для славянских модальных глаголов характерна "средняя" степень грамматикализации (в отличие, например, от германских языков – ср. англ. *can*, *may*, *must* и пр., образующие особый морфосинтаксический класс). Это подтверждает общее впечатление о том, что славянские языки, в особенности русский и польский, в каком-то смысле "сопротивляются" процессам грамматикализации (с. 245). Достаточно подробно описываются так называемые "постмо-

дальные" (в терминах работы [Auwera, Plungian 1998]) значения глаголов, т.е. пути их дальнейшей грамматикализации в видо-временные показатели (например, эвиденциальные, футуральные, условные или императивные). Как правило, впрочем, эти показатели также остаются лишь на периферии грамматической системы. Что касается русского материала в данной работе, то не со всеми интерпретациями автора можно согласиться. Так, понимание фразы *Я хотел было упасть* как 'I was about to fall' (т.е. 'я чуть было не упал') представляется по меньшей мере сомнительным; напротив, комбинация модальных глаголов в примере *Каждый студент должен мочь перевести газетную статью* выглядит достаточно нейтрально, хотя характеризуется автором как "чрезвычайно редкая" и приводится под знаком вопроса (с. 256, 263).

Статья известного в нашей стране швейцарского слависта Д. Вайса "Возникновение неопределенного артикля: история македонского *еден*" представляет интерес не только для славяноведения, но и для общей типологии в целом. Числительное 'один' является диахроническим источником неопределенного местоимения и неопределенного артикля во многих языках мира. В македонском *еден* в роли артикля находится еще только "в начале пути", и в данной работе типы употреблений этой языковой единицы обсуждаются достаточно подробно (на материале корпуса македонских текстов); при этом проводится сопоставление как с "настоящими" неопределенными артиклями романских и германских языков (типа англ. *a/an*, этимологически также тождественного *one* 'один'), так и с близкими единицами славянских языков, для которых грамматикализация артикля характерна еще в меньшей степени, чем для македонского. Для установления последовательных этапов грамматикализации македонского *еден* Д. Вайс использует семантическую карту М. Хаспельмата [Haspelmath 1997], на которой отражены функции неопределенных местоимений³; при этом, высказывается мнение о том, что некоторые особенности употребления неопределенных артиклей могут указывать на необходимость пересмотра данной карты. Вместе с тем, один из основных выводов статьи состоит в том, что дистрибуция неопределенного артикля определяется не только референциальным статусом;

³ О методике семантического картирования см. также [Татевосов 2002], где на новом материале обсуждаются поправки и дополнения к карте М. Хаспельмата (к сожалению, в статье Д. Вайса данная работа не учтена).

более “сильным” фактором может оказаться синтаксический, т.е. дополнительная спецификация именной группы за счет определений или относительного предложения. Доминирование синтаксического фактора оказывается характерным не только для македонского языка, но и для балканского языкового ареала в целом.

Завершающая сборник статья Б. Вимера “Эволюция пассивов как грамматических конструкций в северных славянских и балтийских языках” является самой большой по объему и, пожалуй, наиболее фундаментальной по замыслу. В ней автор достаточно детально описывает процесс диахронического развития пассивных конструкций в славянских и балтийских языках (основное внимание уделено польскому и русскому, с одной стороны, и литовскому и латышскому, с другой). При этом в качестве теоретической базы для анализа пассива автор использует некоторые понятия референциально-ролевой грамматики (PPG) Р. Ван Валина и др., прежде всего понятия актора (*Actor*) и претерпевающего (*Undergoer*); см. подробнее [Van Valin, LaPolla 1997]. Последовательно рассматривается эволюция и современное функционирование четырех основных “составляющих” славянских пассивных конструкций: а) возвратных частей/аффиксов, восходящих к **se*; б) результативных/пассивных причастий с суффиксами *-n/-i* и *-m*; в) вспомогательных глаголов-связок (прежде всего, польск. *zostać* и латыш. *tikt* ‘стать’); г) средств выражения агентивного дополнения (прежде всего это инструментальный падеж и различные предложные группы). В заключении Б. Вимер, как и авторы ряда других статей сборника, пытается оценить степень грамматикализации славянских и балтийских пассивов с точки зрения критериев, предлагаемых в классической работе К. Лемана. Большая часть критериев оказывается, однако, неприменима, исключение составляет лишь “парадигматическая вариативность”: так, в большинстве языков наблюдается закрепление одного средства выражения агенса (среди нескольких конкурирующих), то же относится и к использованию вспомогательного глагола. Задаваясь вопросом о том, что означает данная ситуация – то, что критериев К. Лемана недостаточно для определения всех примеров грамматикализации, либо то, что пассив вообще не представляет собой пример грамматикализации, – автор склоняется к первому из ответов. Пассив является особой синтаксической конструкцией и для его характеристики недостаточны параметры, ориентированные исключительно на морфологизацию какой-то определенной языковой единицы. Кроме того, пассив занимает осо-

бое положение среди грамматических категорий – он не меняет лексическое значение глагола, но и не является обязательным в том смысле, в котором обязателен выбор определенного падежа или согласовательного показателя. Поэтому для определения степени грамматикализации пассива следует применять дополнительные критерии – например, имеются ли лексические ограничения на образование конструкции, существуют ли конкурирующие морфосинтаксические средства выражения пассива и насколько четко они распределены и т.п.

Подводя итоги, отметим, что как по своей композиции, так и по типу аргументации статьи данного сборника имеют много общего не только между собой, но и со значительной частью других работ последних лет по соответствующей тематике. Авторы рассматривают какое-либо грамматическое явление конкретного языка (или группы языков), которое интуитивно и/или согласно традиционным представлениям относится к ядру грамматической системы. Вместе с тем, формальный анализ явлений в терминах классической “теории грамматикализации” (прежде всего, в русле подхода, сформулированного К. Леманом в его выдающейся работе) нередко приводит к нежелательным или не удовлетворяющим исследователя результатам. Причины этого могут заключаться как в том, что важнее оказывается не общая “сумма” значений параметров, но их больший или меньший “вес” (на что указывал в свое время и сам К. Леман), так и в том, что традиционная “теория грамматикализации” нуждается в обновлении с учетом тех новых идей, которые появились в последние годы. Не исключено, что на новом этапе развития “теории грамматикализации” трудности, связанные с анализом “нестандартного” (в том числе славянского) языкового материала, будут преодолены. Однако, насколько скоро можно ожидать наступление такого нового этапа, покажет будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лютикова 2002 – Е.А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.
- Татевосов 2002 – С.Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002.
- Auwers, Plungian 1998 – J. van der Auwers, V. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology 2.1. 1998.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, as-

- pect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Fischer et al. (eds.) 2000 – *O. Fischer, A. Rosenbach, D. Stein* (eds.). *Pathways of change: Grammaticalization in English*. Amsterdam, 2000.
- Giacalone Ramat, Hopper (eds.) 1998 – *A. Giacalone Ramat, P.J. Hopper* (eds.). *The limits of grammaticalization* (Typological studies in language. V. 37.) Amsterdam, 1998.
- Haspelmath 1997 – *M. Haspelmath*. *Indefinite pronouns*. Oxford, 1997.
- Lehmann 1995 – *Ch. Lehmann*. *Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch*. Munich, 1995.
- Lindquist, Mair (eds.) 2004 – *H. Lindquist, C. Mair* (eds.). *Corpus approaches to grammaticalization in English*. Amsterdam, 2004.
- Pagliuca (ed.) 1994 – *W. Pagliuca* (ed.). *Perspectives on grammaticalization*. Amsterdam, 1994.
- Traugott 1990 – *E.C. Traugott*. *From less to more situated in language: the unidirectionality of semantic change* // *Papers from the 5th International conference on English historical linguistics*. Amsterdam, 1990.
- Traugott 1995 – *E.C. Traugott*. *The role of the development of discourse markers in a theory of grammaticalization*. Paper presented at the 12th International conference on historical linguistics (ICHL), Manchester, August 1995.
- Traugott 2003 – *E.C. Traugott*. *Constructions in grammaticalization* // *B.D. Joseph, R.D. Janda* (eds.). *The handbook of historical linguistics*. Oxford, 2003.
- Traugott, Heine (eds.) 1991 – *E.C. Traugott, B. Heine* (eds.). *Approaches to grammaticalization* (Typological studies in language. V. 19.) Amsterdam, 1991.
- Traugott, König 1991 – *E.C. Traugott, E. König*. *The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited* // *E.C. Traugott, B. Heine* (eds.). *Approaches to grammaticalization*. V. 1. Amsterdam, 1991.
- Van Valin, LaPolla 1997 – *R.D. van Valin, R.J. LaPolla*. *Syntax: Structure, meaning and function*. Cambridge, 1997.
- Wischer, Diewald (eds.) 2002 – *I. Wischer, G. Diewald* (eds.). *New reflections on grammaticalization* (Typological studies in language. V. 49). Amsterdam, 2002.